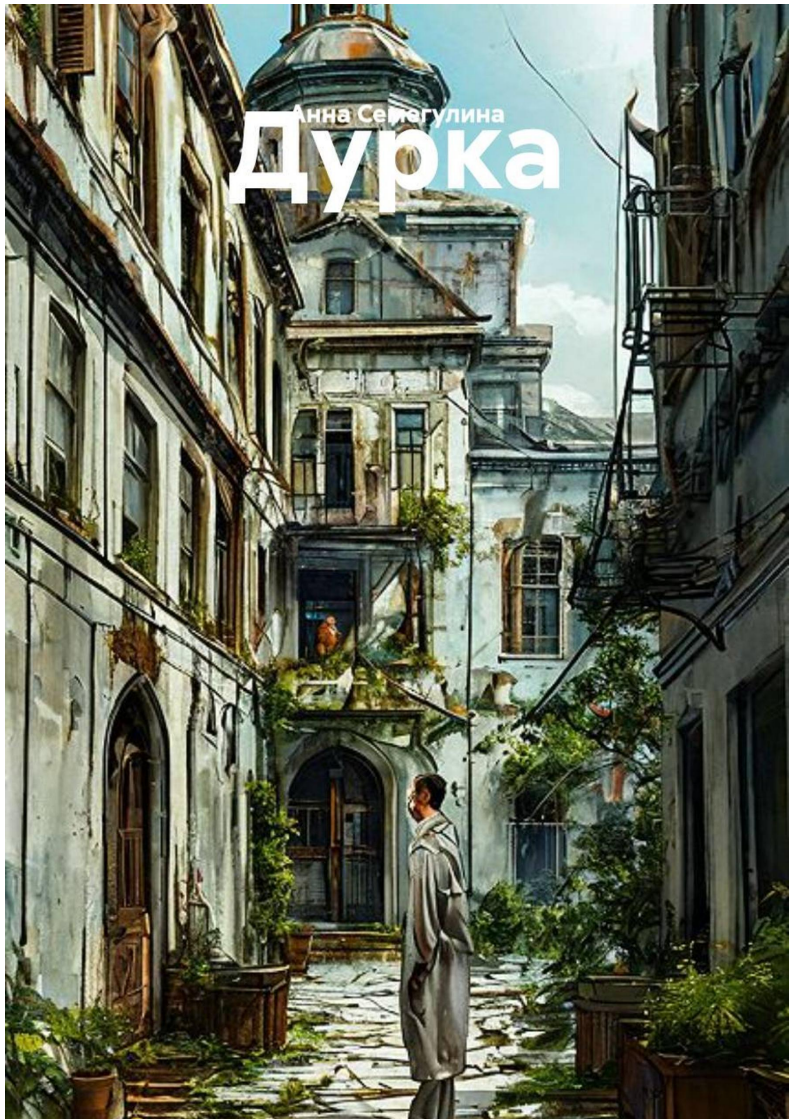

Анна Семагулина
Дурка

Анна Семегулина

Дурка

<https://litres.ru/74070294>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сложная работа в отделении в психиатрической больницы не самое страшное, что может случиться в жизни. В каких бы условиях не находился человек, всегда должно найтись место для юмора, хотя порой вместо него приходит ирония. Рассказ о нелегком труде сотрудников психбольницы.

Содержание

Мы продолжили работать	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Анна Семегулина

Дурка

Мы продолжили работать

Последнее время жизнь напоминала калейдоскоп в руках сопливого пятилетки. Меня каким-то «чудом» занесло работать в психиатрическую больницу. Между нами просто – в дурку. Само по себе место радовало одним своим названием. Но Фортуна меня любила! Я попала ещё и в самое «ароматное» отделение больницы – гериатрическое, к бабушкам! График наших смен составлялся левой задней ногой истеричной старшей сестры Натальи Вячеславовны. В ночь она легко могла поставить 4 руки на 30 пар дряблых ягодиц. И справляйтесь, девочки, как хотите, но, чтобы блестело! С 4-х утра мы бодро начинали подмывать, клизмить и высаживать в одну шеренгу, как в армии, наш сомнительной стойкости состав. Бабки изнывали! Бесноватая заведующая отделением Ирина Николаевна тоже подливала масла в огонь, исподтишка усложняя работу. Будто в качестве наказания она периодически «подкладывала» в отделение пациенток, не говорящих по-русски. И каждая смена мучилась вопросом: татарские, казахские, армянские бабушки нас матерят или всё

же просят о помощи?! К тому же всех интересовало: как их понимает заведующая? Ежедневно нас заваливало грудой журналов, отчетов, бумажек, анализов, каких-то феерических «дозников». Первое время кружилась голова от дури бабок, потом ещё и от дури начальства. Пока я разрывалась между заполнением журнала и «полуприглядом» за палатой «неходячих», раздался крик санитарки Светы. Она кричала с другого конца коридора. - Оля! Эта сволочь опять обосралась! В этот роковой момент заотделением перешагивала порог своего кабинета и случайно окунулась в рабочий процесс. Решив поучаствовать и предварительно недовольно отклячив нижнюю губу, она выдала нам, пятидесятилетним: - Девочки, не выражайтесь! И мойте тщательнее. Светка недовольно хмыкнула. - Угу. Когда клячеобразная фигура заведующей удалилась, она злобно добавила. - Ну подожди, собака! Попадешь к нам! Я тебе и полы и рожу одной тряпкой вымою! Внезапно из палаты выскочила ещё резвая бабка Пойда – бывшая актриса местного театра – и отчетливо вывела: - Мужчины, мужчины, мужчины и тридцать три роля! После этого она так же внезапно скрылась. Мы продолжили работать. Бабки копошились весь день: ползли куда-то по коридору, хлопали в ладоши, пели песни. Развлекались как могли. Я раскладывала таблетки для больных, санитарка блюла порядок. Из палаты шизофреников решительным шагом ко мне направлялась Калашникова – настойчивая бабка-доходяга. «Шиза» постоянно требовала от неё еды. Когда

этот процесс перестал поддаваться контролю, родственники заботливо отправили бабулю к нам. Чтобы она без конца ела и блевала подальше от свежего ремонта – нам на халаты. Подойдя в упор, лицом к лицу, Калашникова спрашивала всегда об одном: - Еда есть? С тем же вопросом она подошла ко мне и на этот раз. Я заверила её, что обед через 5 минут, и бабка, успокоившись, пошла уточнить это у Светки. Тут я вспомнила, как она выкрала и съела бутерброд из моей сумки. Мне стало смешно. Ночью балаган продолжался. Так как бабки поступали разной комплекции и состояния, туалет их тоже превращался в шоу! Депрессивная Крамаренко не отличалась подвижностью. Санитарка из последних сил и предпоследней злости пыталась везти её на каталке до туалета. Крамаренко от такого сервиса продолжала спать прямо в поездке. На подступах к заветной цели случился конфуз. Взбрыкнув спросонья на очередном вираже, бабка неудачно раскорячила ноги, Светка рванула коляску - и бабка мягко приземлилась на пол, опрокинув с грохотом свой транспорт. Очки надёжно припечатались к переносице. Приложили холод. Мы продолжили работать. Я закрыла последний журнал и опустила голову на руки. Из туалета послышалось: - Да куда ты...мимо горшка?! После нежного шороха жестяных ведер мимо моего поста, вдоль стены проползла сонная еврейская бабушка Швец. Ближе к 4 утра Светка села на стул, с усилием подняла ноги и положила их на табуретку. - Не могу больше. Всё гудит уже. Хоть 20 минут... После этого

мы не вставали с мест. Только Светка, открывая один глаз, орала через весь коридор, командуя парадом: -Ку-у-у-да-а-а? Бабки, высовываясь из палат, меняли свое направление на противоположное. Утром сдавали смену в порядке бреда. Старшая сестра со стремянкой лазила под потолком - искала пыль, под обвисшими грудями бабок - обнаруживала прыщи, в журналах - лишние запятые. Мы доложили о ночном мини-ЧП. На пятиминутке заведующая вопила о нашей «безответственности», вопиющей «халатности» и беспросветной «профнепригодности». На её шее приплясывала синюшная венка. Старания были напрасны. После «ночи» в моём мутном сознании картинки проплывали медленно и мимо. Завотделением в силу своей скрытой кровожадности требовала диагноза посерьёзнее, чем поставленная дежурным врачом «гематома» . Её бы удовлетворили «сотрясение мозга» или «перелом носа». Адекватные доводы местных врачей-терапевтов не устраивали. Через полчаса шокированная Крамаренко с еле заметным «фонарем» тряслась в нашей «буханке» по пути в первую горбольницу к нейрохирургу . Я, как ответственное лицо, априори виновное во всём, что случилось на смене, сопровождала бабулю. Когда мы вернулись, и я зашла в кабинет рапортовать о диагнозе, завотделением ликовала. Но недолго. Я сухо прочитала по бумажке: «Диагноз: ушиб переносицы. Лечение: гепариновая мазь по необходимости». Заведующую перекосило. Я ушла отсыпаться. Все наши смены были похожи на ад, но были и отличия. Утро

обещало быть весёлым - 13 бабок шли на клизмы. Заранее недовольные санитарка Татьяна и сестра Марина буквально бегом принимали смену и параллельно начинали «экзакуцию» . Заведующая с оскорбленным обонянием, проходя мимо туалета, поразилась. - Чем так пахнет? Татьяна, бывшая учительница математики, спокойно отозвалась. - Говном, Ирина Николаевна. Бабка Пойда, в обрывках сознания помнящая об актерском прошлом, с тревогой выскочила в коридор. - Какой акт? Все улыбались. - Второй, - говорю. Бабуля призадумалась. Только она собралась идти в палату, как обернулась и продолжила. - А пьеса какая? По пути в процедуру я крикнула: - На дне. Горький . Дневная сестра Наташа кисло улыбнулась и покосилась в сторону кабинета начальства. Мы продолжили работать

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.